

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свой среди чужих, чужой среди своих. Даже это неутешительное кредо всех бойцов невидимого фронта к Юрию Клинских подходило мало. По жизни он так и остался вечным изгоем и воспринимался чужим в любых лагерях.

Рок-критики, каталогизировав, казалось бы, всех и вся, не спешили вписывать «Сектор Газа» в рок-энциклопедии. До сих пор группа так и не удостоилась даже издания сборника лучших песен в серии «Легенды русского рока», где, в частности, засветилась ментально близкая «Сектору Газа» группа «Бахыт-Компот» (что, кстати, составляет предмет особой гордости ее лидера Вадима Степанцова). И скрупулезный Александр Кушнир, трепетно собиравший записи по всему Советскому Союзу, так и не включил ни одну из пластинок «Сектора Газа» в свой монументальный труд «Сто магнитоальбомов русского рока».

О попсе и говорить нечего. Для них Юрий Клинских был таким *Infant terrible*, которого они боялись как огня. Да и, признаться, было за что, ведь он мог припечатать шуткой или песней так, что меткая характеристика мгновенно уходила в народ. Чего только стоит его памфлет «Звездная болезнь», написанный от лица начинающего фонограммщика, который на полном серьезе считает себя круче любой западной группы первого эшелона. А фамилию Цекало (кабаре-дуэт «Академия» тогда гремел!) Клинских в частных беседах интерпретировал на украинский лад как «это фекалии».

Сам Хой абсолютно не мыслил такими категориями, как «рок» и «попса», поэтому ему было тесно в любых субкуль-

турных средах. В отличие от большинства отечественных рок-мастодонтов, он не имел кумиров среди западных артистов и не ориентировался на некие ролевые модели. Его источники вдохновения были в русской литературе и устном народном творчестве. При всей своей нелюбви к театру он тяготел к образу скомороха и искусству райка, разыгрывая веселые и страшные представления перед всем честным народом и не стесняясь говорить балаганным языком об очень серьезных вещах.

Хоть и разносторонне одаренный, Клинских оставался одиночкой. Он никогда не вписывался в какие-либо тусовки, чем, видимо, и навлекал на себя безосновательные подозрения стайных творцов. Его история про то, что один в поле — воин. Безусловно, в 90-е за ним стояли мощности влиятельного лейбла. Но нет сомнения, что и при ином раскладе Хой бы не потерялся, а, возможно, напротив, более органично вписался бы в какой-либо контекст уже при жизни!

Соотнесение Юрия Хоя с другими «матершинниками» русского рока тоже мало что даст для понимания феномена. Есть хорошая байка о том, как некий большой босс включал фоном при приеме на работу Александра Лаэртского или «Хуй Забей» для наблюдения за реакцией соискателя. Расчет был прост: если человека это не шокирует, то, значит, он имеет правильные взгляды на жизнь и вполне может рассчитывать на вакансию. При всей остроумности этого эксперимента с творчеством «Сектора Газа» такой фокус прошел бы вряд ли.

С одной стороны, в 90-е группу слушало множество случайных людей, привлеченных запретным плодом. По сути, это были люмпены, на которых вряд ли можно положиться в критических ситуациях. С другой — у Лаэртского и «Х.З.» можно при желании найти своего рода интеллигентские подмигивания, заметив которые даже далекий от этой культуры чело-

век может симитировать интерес. Хой же — цельный, естественный, нутряной, поэтому если уж кому-то это не близко, то безнадежно даже пытаться имитировать симпатии.

Как ни странно, в нем можно найти много общего с Данилой Багровым из «Брата-2». Такой глубоко национальный типаж, герой нашего времени, которого с таким упоением искали, но при этом в упор не замечали... или нарочно не хотели замечать. Потому что его любовь к Родине и готовность положить живот за други своя — негромкие, непафосные и не прячутся за казенными лозунгами. Кто из исполнителей более народный — тот, кто откатал 500 концертов в поддержку силовых структур, или тот, кто написал с пяток подлинно народных патриотических песен вроде «Тумана» или «Пора домой»? Ответ очевиден, хотя и далеко не всем придется по душе.

Судьба Юрия Клинских имеет много общего с путем народного героя-одиночки наподобие Ильи Муромца, воспетого им, кстати, в одной из песен. Не потому ли имя музыканта неразрывно связано с созданной им группой? «Сектор Газа» — больше, чем коллектив, и больше, чем бренд. Хотя, положа руку на сердце, между этими двумя явлениями можно поставить знак равенства. «Сектор Газа» стал его крестом и его орудием, но ведь, по большому счету, крест и есть главное оружие! Группа, название которой волею судеб совпало с зоной боевых действий арабо-израильского конфликта, воплощала собой войну с человеческими пороками, пошлыми шаблонами, узостью сугубо жанрового (или, как уже было сказано выше, — тусовочного) подхода к музыке, людскими страхами...

«Сектор Газа» состоит из множества уникальных составляющих, объединить которые в одной точке не смог бы, пожалуй, никто, кроме Юрия Хоя. О том, что это за элементы, мы поговорим в книге. А сейчас заметим, что Клинских все положил на алтарь «Сектора Газа». Ведь Хой едва ли

не единственный из российских рок-музыкантов, не выпускавших альбомов не под маркой собственного коллектива. Сольников, акустических альбомов, саундтреков, совместных проектов с другими исполнителями у него попросту нет. Даже процесс создания сборников ремиксов в итоге тоже был отдан на откуп «Сектору Газа», поскольку Хой полностью контролировал процесс его создания — и даже заново записывал вокальные партии для электронных композиций.

Казалось бы, «Сектор Газа» при таком раскладе должен был кануть вместе со своим создателем в вечность. С одной стороны, так и есть, и нет такого человека, который мог бы полноценно заменить Юрия Клинских. С другой — будучи одиночкой, Хой продолжает объединять людей и после своей смерти. Поэтому ничто не может им помешать отдавать ему дань фестивалями, трибьютами, постановками панк-оперы, попытками смоделировать бытование неповторимого мира Юрия Хоя в современных условиях. Книга, которую вам предстоит прочитать, — тоже, смеем надеяться, находится в этом ряду.

ГЛАВА I

Здравствуйте, детишки

Когда речь заходит о Юрии Клиньских, неизбежно всплывают два «само-»: самостоятельность и самобытность. Они же сходятся в одной смысловой точке — одиночество. И весь этот шлейф, вне всякого сомнения, тянется из детства. Юрий появился на свет в Воронеже 27 июля 1964 года. С одной стороны, семья была простой, но с другой — его родителей без натяжки можно причислить к рабочей интеллигенции (был в СССР такой класс, которого сейчас, увы, днем с огнем не сыскать).

Мать Юры Мария Кузьминична работала на Воронежском авиационном заводе клепальщицей, а отец Николай Митрофанович был инженером. Познакомились там же — на производстве. Для нее брак с ним оказался уже вторым, а от прежнего мужа остались двое сыновей — Анатолий и Леонид.

ГАЛИНА КЛИНСКИХ

Детство у Юры было счастливым. Отец с матерью его очень любили и баловали. Мама его не ругала вообще, а отец все же иногда старался «строить». Ну, мальчик все-таки. Хотя Николай Митрофанович и сам по себе был совсем не строгий.

Попытки что-то спеть маленький Юра предпринял довольно рано. Мария Кузьминична вспоминала, как он ранним

утром бегал по квартире и мурлыкал «Синий, синий иней», пока они с мужем еще спали. В малый джентльменский набор советских детей 70–80-х эта русифицированная версия диско-шлягера «One Way Ticket» входила в обязательном порядке. Но вот сохранил ли Клинских любовь к диско во взрослой жизни — большой вопрос.

Наиболее очевидные продолжатели дела «Сектора Газа» из «Короля и Шута» в юности увлекались группами Boney M. или a-ha, целенаправленно учась у них мелодизму. Следы этого влияния можно уловить, например, в таких песнях, как «Кузьма и барин» или «Ром». «Сектор Газа» двигался иным путем. В самых угарных их песнях можно заметить ритмику твиста или шейка, не говоря уж о частушечных напевах.

Диско тоже встречается, но — в порядке исключения. Скажем, в песне «Гуляй, мужик!» явно ощутимы аллюзии на «Moscow» Boney M. Но, возможно, это был креатив клавишника группы Алексея Ушакова, а сам Хой относился к подобным вещам следующим образом: «Я родился в 64-м, рос на западной музыке плюс Высоцкий, а позже — еще “Машина времени”. Так вот, если все это собрать в кучу, то и получается “Сектор Газа”. Моя музыка — это рок, гитары, и поэтому что-то а-ля Modern Talking мне чуждо. Я вообще клавишную музыку не люблю, а сейчас, куда ни плюнь, кругом одна клавиатура...»

«Иконостас» из ликов Владимира Высоцкого и Андрея Макаревича висел в комнате Клинских, как и у тысяч советских детей того времени. Еще он увлекался собиранием спичечных этикеток, оловянных солдатиков, посещал секцию восточных единоборств. Впрочем, эти поветрия были эпизодическими, а одним из главных увлечений маленького Юры стало чтение книг и сочинение стихов. Уже после шести лет он охладел к уличным прогулкам, предпочитая проводить время дома с книгами, что-то из них сосредоточен-

но выписывая. А свое первое стихотворение Юрий, по его собственному признанию, сочинил лет в восемь, и было оно про весну. Врожденная грамотность и начитанность помогли ему без знания правил русского языка писать безошибочно, поэтому диктанты у него с удовольствием «скатывали» даже твердые хорошисты.

Любовь к книгам и стихосложению мальчику привил отец, который сам пробовал сочинять и издаваться. Они целенаправленно занимались, и, судя по всему, эти эксперименты некоторое время носили формалистский характер, поскольку Николай Митрофанович не только прививал Юре любовь к печатному слову, но и пытался выработать у него технику стихосложения. Иначе б зачем Клинских-младший стал писать о себе гекзаметром в духе поэм Гомера: «Вышла из мрака младая пурпурная Эос. Отрок же Юрий Клинских продолжал спать в объятьях Морфея»?

АЛЕКСЕЙ ПРИВАЛОВ

У Юрки была патриархальная семья. Я не удивился бы даже, если бы вдруг узнал, что он мог обращаться к маме на вы, что в этих широтах было вполне распространено. У него была русская семья — очень простая и хорошая. По крайней мере, они воспитали не подлеца, не подонка, не ублюдка, а хорошего честного парня. Они не могли дать ему большего. Но, видимо, и то, что они ему дали, заложило в нем вот эту основу большого поэта.

ТАТЬЯНА ФАТЕЕВА

Стихам Юры были присущи юмор, доброта и жизнерадостность, облеченные в абсолютно грамотные и последовательные фразы. Возможно, это была врожденная грамотность. Знаю, что папа Юры Николай Митрофанович любил поэзию и занимался с ним.

Здесь зерно упало в такую благодатную почву, поэтому папа — молодец.

Несмотря на столь впечатляющие версификационные штудии, литературу в школе Юра не любил, да и по остальным предметам то и дело хватал тройки. Николай Митрофанович исправлял эту ситуацию, как мог, и до шестого класса буквально тянул сына из последних сил.

ГАЛИНА КЛИНСКИХ

В школе Юра учиться не хотел, из-за этого у них могли возникать иногда какие-то трения. Но папа старался им заниматься. Они часто брали карту мира, и в итоге, какую страну или город ни назови, Юра сразу мог показать их на карте.

Географическими подробностями песни «Сектора Газа» изобиловать отнюдь не будут. Но в тех текстах, где встречаются конкретные топонимы, Юрий Хой неумолимо точен. Это касается и описания различных районов Воронежа в «Колхозном панке» с «Местными», и упоминания подмосковных городов в песне «Про лето» из юношеского «Акустического альбома». Обязан этим он был отцу, который мотивировал его искать на карте города страны на спор.

В школе Юре наверняка не хватало усидчивости. Одноклассники вспоминают, что он носил на уроки одну общую тетрадь, которой обходился буквально на всех письменных предметах. Когда учительница выходила из себя, то подбрасывала тетрадь, листы разлетались в разные стороны, и их приходилось оперативно собирать чуть ли не всем классом. Хулиганом Юра не был, постоять за себя порою не мог, поэтому старшие мальчишки то и дело отбирали у него по пути в школу мелочь на обед. Тем не менее на роль заводилы в детских играх он все-таки претендовал, выдумывая

на переменах все новые забавы, из-за чего одноклассники постоянно опаздывали на уроки.

В случае с Юрой полноценному учебному процессу препятствовали еще две его страсти — индийские фильмы и страшные истории. Болливудскую мелодраму «Месть и закон» он, по воспоминаниям школьного друга, посмотрел на большом экране раз пятьдесят. Получать эмоциональную разрядку после просмотра хорроров с помощью индийских фильмов научилась впоследствии от Юрия Клинских и его старшая дочь.

ИРИНА КЛИНСКИХ

Папа коллекционировал видеокассеты. Где-то с шести лет я постоянно смотрела «Зловещие мертвецы» и весь этот треш. Как-то ко мне из Питера приехала двоюродная сестра. Я ей говорю: «Катя, сейчас будем с тобой смотреть ужастики». Сижу, зеваю, мне уже не так страшно — привыкла. А Катя боялась, тряслась и опасалась: «Ира, как же мы теперь уснем?» «Не переживай, — говорю, — я знаю, что надо смотреть после этого — индийские фильмы!» Действительно, мы перебивали в памяти этими «Джимми Джимми, ача, ача» — и нормально засыпали.

Сам же Юрий Клинских был настолько впечатлительным, что долгое время спать по ночам мог только со светом. К тому же Юра был «совой», поэтому отцу по утрам приходилось тащить его на себе в школу еще и в прямом смысле.

После шестого класса Николай Митрофанович пустил учебный процесс сына на самотек, но продолжал влиять на его музыкальные вкусы, будучи большим любителем рок-н-ролла. О музыкальных предпочтениях Марии Кузьминичны история умалчивает. Но частушки она исполняла залихватские, а из песен сына особенно выделяла «Туман». Что ка-

сается Николая Митрофановича, то ему очень нравилась (с сугубо музыкальной точки зрения) песня сына «План». В чувстве прекрасного папе не откажешь, ведь в этой песне можно уловить отголоски бессмертного «Дома восходящего солнца».

Как же проходил среднестатистический будний день школьника Юрия Клинских? Придя домой из школы, он врубал телевизор, откуда обычно доносились браваурные пионерские песни в исполнении однотипных малышей в шортиках и бабочках. Услышанное его отнюдь не вдохновляло. «Я с детства ненавидел детские песни вот эти, “из чего же сделаны мальчишки”, — признавался Клинских гораздо позже. — По ящику крутят, меня тошнило от них. Дотошнило, что я стал на них пародии делать. Помнишь, пионерами были, на линейках пели всякую херню типа “Взвейтесь кострами”? Как может понравиться песня “Наши бедные желудки-лудки-лудки были очень голодны-ны-ны”?!»

С досады вырубая телевизор, Юра остро нуждался в противоядии. Находил мальчик его, включая магнитофон «Комета», врубал его на всю и выпускал пар под концертник Slade 1972 года «Slade Alive!». Фанатом рока Клинских стал осознать себя со второго класса — именно с упомянутого 1972 года, когда ему купили магнитофон и в его фонотеке обосновались Slade, The Sweet, The Rolling Stones, The Beatles. Чуть позже к ним прибавились Элис Купер и Оззи Осборн.

В роке Юра с детства ценил кураж и энергетику, поэтому «битлы» быстро выбыли из его предпочтений. «В основном мне нравилась заводная музыка, ритмичная, и нравится до сих пор. Почему сейчас я въехал в тяжелый рэп? Потому что там четкая ритмика и плюс рокерские гитары, — говорил он на излете 90-х. — Раньше меня ломали почему-то Deep Purple и The Beatles. Мне вообще The Beatles очень трудно назвать роком, за исключением некоторых вещей. Они больше пели такие слащавые баллады, они и славились балла-

дами, “Let It Be”, вот эти все дела. Это был не рок. Рок — это Slade, это The Rolling Stones — вот это настоящий рок. И они до сих пор держатся».

Николаю Митрофановичу казалось, что Юра уделяет слишком много внимания любимым записям, но тут мама бросалась на защиту сына. «Меня отец постоянно заставлял под страхом ремня: “Иди делай уроки”, весь вечер, — вспоминал Юрий Хой. — Но это банальная такая система: “Сейчас. Иди делай уроки. Сейчас”. И постоянный геморрой или постоянно после каждой двойки наезды. А мать меня все время защищала: “А может, он артистом будет”. Типа Сличенко был двоечником, а видишь, стал артистом. И вот какие-то пророческие слова, почему-то я их запомнил. Это было, когда я был маленьким».

Мария Кузьминична могла надеяться на артистическое будущее сына с полным на то основанием, потому что и сама была не чуждой творчеству.

ИРИНА КЛИНСКИХ

Оглядываясь назад, могу сказать, что у нас была действительно творческая семья. Дедушка играл на баяне и подписывал открытки стихами собственного сочинения. Бабушка играла на гитаре и пела. Часто устраивались какие-то посиделки, которые заканчивались концертными номерами. Каждый вносил свою лепту — я, например, исполняла частушки. Бывает, у бабушки пошлые частушки проскочат, а мама сразу: «Так, это не надо» (смеется).

Учитывая все это, не стоит удивляться, что, имея по пению тройку, Юра где-нибудь в гостях мог с ходу начать играть на впервые в жизни взятой в руки балалайке или подобрать мелодию на фортепиано. На гитаре же его научил играть старший брат Анатолий.

ГАЛИНА КЛИНСКИХ

Оба старших брата очень на него влияли. Братья его очень любили, всячески заботились о нем — особенно старший. Родители даже не боялись частенько оставлять их вместе одних дома.

После восьмого класса встал вопрос о дальнейшей судьбе Юрия Клинских. Учительница советовала ему завершить на этом школьное образование, но отец настоял на переводе в девятый класс. Тем не менее после окончания десятилетки Юрий больше не испытывал на себе родительского давления в вопросах выбора дальнейшего жизненного пути. Воспользовавшись предоставленной ему свободой, он решил идти в армию, а до этого — выучиться на водителя в школе ДОСААФ.

ГАЛИНА КЛИНСКИХ

В армию Юра захотел сам. Сдал на права — мечтал быть танкистом. Избрал для себя определенный род войск — и целенаправленно туда стремился, специально обучаясь на водителя танка.

ГЛАВА II

Милая

Обилие сельских реалий в песнях «Сектора Газа» имеет свое объяснение. Каждое лето в детстве Юру Клинских отвозили в поселок Ильича к дедушке Кузьме Савельевичу и бабушке Феодосье Аркадьевне. Там он гулял с местными мальчишками и лихо скакал на коне без седла.

ГАЛИНА КЛИНСКИХ

С самого раннего детства Юра проводил там все каникулы. Там же постоянно жил его средний брат Леонид. Не знаю почему, но вот так. Закончил Леонид там восемь классов. Раньше в каждой деревеньке была своя школа. Хоть и небольшая, но была. В деревню Юра ездил до конца — ему нравилось там очень. Леса там не было — так, отдельные посадочки. Там был пруд, он купался, иногда рыбачил. Ловить рыбу, правда, не очень любил — это его мама была охоча до этого дела. А вот мой отчим — заядлый рыбак, у него и лодка своя есть. Юру тоже брал, но тот так и не втянулся.

В поселок Ильича он отправился и после окончания школы — на следующий же день после выпускного. Там же и познакомился летом 1982 года со своей будущей женой — Галиной.